

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.33>

Беляев Валерий Валерьевич

ПРАКТИКИ МУЗЕЕФИКАЦИИ И ЭКСПОНИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО

В статье рассматривается связь таких дисциплинарных практик, как музеефикация и экспонирование, с политической коммуникацией. Политическая коммуникация, в свою очередь, понимается как речевое противостояние идеологических конструктов и социальных иерархий, согласно введенным Жаком Рансьером концептам "политики" и "полиции". Автор анализирует различные виды музеефикации в контексте политического. С помощью методологии постколониальных исследований изучается структура артефакта как объекта экспонирования. Делается вывод о наличии в речевом акте, которым, согласно Рансьеру, и является политика, основания, при обращении к которому возможна деконструкция политического.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/6/33.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 162-165. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философская антропология, философия культуры

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

УДК 1; 008.001

Дата поступления рукописи: 30.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.33>

В статье рассматривается связь таких дисциплинарных практик, как музеефикация и экспонирование, с политической коммуникацией. Политическая коммуникация, в свою очередь, понимается как речевое противостояние идеологических конструктов и социальных иерархий, согласно введенным Жаком Рансьером концептам «политики» и «полиции». Автор анализирует различные виды музеефикации в контексте политического. С помощью методологии постколониальных исследований изучается структура артефакта как объекта экспонирования. Делается вывод о наличии в речевом акте, которым, согласно Рансьеру, и является политика, основания, при обращении к которому возможна деконструкция политического.

Ключевые слова и фразы: политика; музеефикация; экспертиза; культурное наследие; власть; деконструкция; коммуникация.

Беляев Валерий Валерьевич

Санкт-Петербургский государственный университет

belyaevvv94@gmail.com

ПРАКТИКИ МУЗЕЕФИКАЦИИ И ЭКСПОНИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Введение

При понимании политического процесса как акта коммуникации особое значение приобретают средства передачи сообщения. Однако, следуя формуле Маршалла Маклюэна “medium is the message”, два этих пункта в типичной коммуникационной схеме в современной медиареальности оказываются объединены. В этом случае культурное наследие, представляющее собой объективированную ценность, может стать элементом политического дискурса, не просто отсылающим к чему-то другому (например, памятник – событие), но нераздельно связанным с коммуникативными структурами, обуславливающими возможность проявления власти как таковой. Интенсификация подобных проявлений в современной нам политической жизни подтверждает **актуальность** данной работы.

Так, объекты наследия, имеющие отношение к истории, создают параллель между охраняющим их государством и этими событиями [2]. Порядок сохранения и производства культурного наследия, в свою очередь, может считаться метаязыком, который определяет смысл и значимость тех или иных памятников в общем контексте репрезентации власти. Сама же репрезентация, будучи частью системы знания, конституирует реальность. Таким образом, встает вопрос о том, как возможно посредством определенных практик, связанных с т.н. «объектами культурного наследия», влиять на эпистемологические проявления власти в культуре. **Целью** данной работы является нахождение ответа на этот вопрос путем изучения методов и приемов, которые используются властными структурами по отношению к культурному наследию. Достижение цели предусматривает решение нескольких **задач**: рассмотреть политические аспекты охраны культурного наследия; изучить практики деконструкции политического, а также подчеркнуть их значимость для современной науки. Применение методологии постколониальных исследований, а также использование основных концептов критической музеологии в рассмотрении политического обеспечивают **научную новизну** исследования.

Экспертиза и признание

Современная наука определяет культурное наследие как нечто подверженное влиянию извне, будь то стремление к сохранению или наоборот, действия, ведущие к уничтожению материальных и/или забвению нематериальных объектов. Восприятие объектов культурного наследия также обусловлено внешним императивом, то есть может быть рассмотрено как диспозитив власти. Таким образом, создается метаязык, существующий за границей коммуникации, но тем не менее определяющий ее.

Зарубежные исследователи часто подвергают критике деятельность организаций, которые занимаются охраной объектов культурного наследия (далее – ОКН), в том числе и ЮНЕСКО. В работах указывается на существование в данной сфере такого явления, как «авторизирующий/авторизованный дискурс наследия» (Authorized Heritage Discourse, AHD) [12, p. 407-410]. Данный термин означает порядок, установившийся по отношению к тому, как и что понимать под ОКН, каким образом осуществлять собственно «охрану» и как должен быть ранжирован «список» объектов, предлагаемый соответствующими организациями. Данный дискурс объективирует деятельность так называемых «экспертов в области наследия» и поддерживает существующим режимом международного права. Поскольку именно профессиональная экспертиза определяет ОКН, можно с уверенностью утверждать, что формирование образа «всемирной культуры / всемирного наследия» практически полностью подвержено действию AHD. Исследователи этого явления указывают на то, как экспертиза может выступать в качестве дисциплинарной практики, ссылаясь на понятие Мишеля Фуко об «экзамене» как расчленении времени и пространства с целью сформировать определенное знание о чем-либо [8, с. 257-259]. Так, расчленение карты земной поверхности на «ценные» (включенные в список ЮНЕСКО) и «неважные», с точки зрения ученых, придерживающихся постколониального подхода в характеристике культуры, предстает как способ сегрегации отдельных культур [10]. Создаваемый этим технический образ участвует в формальных процедурах управления (governance), формируя легальное поле, в котором конституируются ОКН. Фактически эксперт при помощи AHD осуществляет функцию медиатора, связывая непосредственно носителя культуры (то есть того, кто «унаследовал» наследие) с осуществляющей управление структурой. Однако, несмотря на присутствие носителя в данной схеме, его роль сведена к контексту, обуславливающему метаязык, которым и является AHD. Важно уточнить, что, несмотря на классическое понимание коммуникации как процесса, имеющего адресата и адресанта, для политики как формы речевой репрезентации власти потенциальные носители и получатели сообщения являются скорее препятствием для своей конечной цели – усиления и распространения [5, с. 37]. Следуя классическому понятию о власти, которое дал Александр Кожев, необходимость признания вынуждает власть подстраиваться под условия [4, с. 27, 55]. Именно противоречие, возникающее при невозможности заработать признание, рождает акт коммуникации в том смысле, что он становится виден и может быть прочитан. Тем самым взаимодействие людей с культурным наследием, расположенным на населяемой ими территории, предстает как коммуникация с властью, с выстроенной ей социальной реальностью. В зарубежных исследованиях объект этой коммуникации обычно обозначается как форма наследия, обратная тому, как посредством деятельности экспертов представляется ОКН. В данном контексте используется термин «нежелательное» или «проблематичное наследие» [9]. Собственно, «проблематичность» наследия являет собой «несогласие», обеспечивающее функцию политики.

Проблематичное наследие

В последние годы в разных странах на разных уровнях актуализировался вопрос о коммеморации спорных моментов национальной истории в связи с политической повесткой. Так, в Украине и Польше, помимо несанкционированных действий вандалов, была законодательно оформлена возможность сноса памятников советского периода. В это же время в США был поднят вопрос об этичности существования в некоторых штатах памятников солдатам и военачальникам Конфедерации времен Гражданской войны. В связи протестами, связанными с избранием Дональда Трампа, данная проблема также ознаменовалась проведением ряда акций прямого действия, во время которых значительное число монументов было уничтожено. Предполагается, что объекты культурного наследия, среди которых могут быть не только отдельные памятники и территориальные комплексы, но также и жилые кварталы, города и регионы, должны обладать самоочевидной ценностью для обитателей занимаемого ими пространства. Однако зачастую признаки, определяющие культурное наследие как «наследие культуры», актуализируются через практики отчуждения и вытеснения. Описанная выше ситуация с наследием советского периода в Восточной Европе иллюстрирует то, как находящиеся на острие политических споров объекты, не представляющие сами по себе большой ценности, обретают свое место в пространстве культуры. Конфликт между людьми, ностальгирующими по советскому периоду, и сторонниками разрыва с прошлым создает динамику, благодаря которой объект существует в качестве элемента политической коммуникации. Примером подобного также может служить маргинальное искусство, формирующее собственный взгляд на «нежелательное» пространство. Так, протест жителей афроамериканских гетто, объективированный в творчестве, не только сделал «внутренний город» неотъемлемой частью американского ландшафта, но и предоставил форму для самовыражения для городских субалтернов по всему миру.

Таким образом, «нежелательное» наследие предстает как «неавторизованное», не подотчетное экспертизе. Однако рамки власти обладают способностью расширяться. Системы знаний, поддерживающие экспертизу, изменяются, институты и учреждения, производящие дисциплинарные практики, перестраиваются, технологический прогресс меняет оптику «ока власти» и образ жизни тех, кого оно созерцает. Культурное наследие, будучи частью этого аппарата, также меняет свой облик. В частности, «проблематичность» наследия, которая практически всегда связана с исторической травмой, воспроизводится властью в форме академических споров, политических демаршей, а также поддержки недовольства населения. Склонность политиков задействовать культурную память в коммуникации не вызывает сомнений, однако в данном случае речь идет не столько о примирении и объединении (как, например, коммеморация военных побед или объединения страны), а о разжигании (производстве) несогласия в целях интенсификации политического процесса. Возвращаясь к сносу памятников в США, следует отметить, что чем «жарче» проходили общественные дебаты вокруг этой ситуации и чем ярче она освещалась в СМИ, тем сильнее становился натиск сторонников уничтожения «нежелательного наследия» и тем шире становился круг «обвиняемых». Так, помимо монументов, посвященных

Гражданской войне, «проблематичными» были объявлены также статуи первых президентов США, что было мотивировано их статусом рабовладельцев [11]. Похожим образом складывается ситуация в постсоветских странах. Производство несогласия выражается в создании идеологем, в качестве которых может выступать, например, травма. В данном случае травма предстает как масштабный процесс, в контексте которого «последствия» играют едва ли не большую роль, чем само «событие» [7, с. 7-10]. Так, в статье Кевина Платта описывается широкая дискуссия, развернувшаяся как в обществе, так и на высшем государственном уровне в Латвии, при попытке бизнесмена – «негражданина» восстановить демонтированный в 1915 памятник Петру I в Риге [6, с. 136-148]. Модель подобной ситуации, опираясь на исторические события 1830-х годов во Франции, представил Жак Рансьер. Тогда акт политической коммуникации парижских рабочих, вышедших на улицы, был выражен в формальной реализации принципов, закрепленных в «Декларации прав человека и гражданина», а точнее в демонстрации владения «речью», на фоне произошедшей недавно революции, которая и создала условия для подобного «диалога» [5, с. 142-144]. Рансьер описывает возможность преодоления неравенства, выражающегося в невозможности коммуникации, путем конструирования метаязыковой предпосылки, в качестве которой выступают т.н. «права человека». Будучи завоёванной силой в революции 1789 года, декларация не требует повторного насилия, но лишь апелляции к произошедшему. Иными словами, согласно Рансьеру, коммуникация (т.е. собственно политика) возникает, когда неучтенная часть социального тела овладевает «языком», то есть способностью к порождению смыслов. Позиции латвийского правительства «по умолчанию» – проблематизации наследия «оккупантов» как чуждого национальной истории – противопоставляется вопрос наследия локального, который проблематизирует, в свою очередь, уже дискурс власти. Понятие о деколонизации/десоветизации выступает, таким образом, контекстом коммуникации, или, иными словами, «оттесненной в прошлое предпосылкой» [Там же, с. 143].

Деконструкция метаязыковой предпосылки

Обратный эффект – нейтрализация политики вообще – может возникать, когда ОКН обретают ценность в практиках музеефикации. Несмотря на постулируемое стремление к сохранению аутентичности наследия, превращение памятника в экспонат «изымает» его из коммуникации и делает его частью дискурса. Конфликт вокруг «нежеланного» угасает, когда нормализующие практики экспертизы выводят объект из речевого акта, наделяя его другим значением, которое может быть как, например, назидательно-ироничным, так и ностальгически-привлекательным. В данном случае важно изменение контекста: от идеологии, тесно связанной с определенной социальной инженерией и символической властью, к миру товаров и услуг. Объект, находящийся за стеклом на витрине, не может воспроизводить травму, он способен лишь быть материалом для построения нравоучительного дискурса либо, наоборот, удовлетворять потребность в “guilty pleasure”. Однако в обоих случаях объект становится, по выражению Жана Бодрийяра, «обсценным», т.е. растворенным в множественных значениях, что препятствует этике [3, с. 75]. Именно поэтому такие примеры эксплуатации «нежеланного наследия», как Грутас парк в Литве или квазисоветское кафе в Латвии, не вызывают таких дискуссий, как описываемая выше дискуссия вокруг памятника Петру I. Упомянутое выше уличное искусство меньшинств в США уже давно не является собственно «маргинальным», а принадлежит к индустрии современного искусства как одна из наиболее уважаемых его частей. Так, динамичное и радикальное преобразуется в обсценное, стоит лишь обратить на него внимание.

Считается, что изъятие артефакта из контекста, в качестве которого выступает оригинальное культурное окружение и его использование в ином эпистемологическом пространстве, служит построению культурной гегемонии того или иного политического актора [6, с. 16-20]. Именно это и является основанием для критики международных организаций, которые занимаются вопросами культурного наследия. Очевидно, что как критика, так и сама «гегемония» в любой форме представляют собой составные части нового контекста, в который переносится артефакт. Тем самым, следуя Бодрийяру, имеет смысл предположить, что относительно политического объект (в данном случае артефакт) предстает в трех состояниях: реальность (артефакт органично вписан в свое окружение и не участвует в коммуникации, т.е. объект неизвестен и несущественен), репрезентация (артефакт выделяется из общего контекста, становится частью речевого акта; изначальное значение деконструируется – реальное уничтожается и воссоздается) и обсценное (артефакт в своем новом значении начинает доминировать над контекстом и поглощает собой коммуникацию) [3, с. 77-78]. Чтобы объект стал частью системы знаний, конституирующей реальность, он должен быть именно объектом в узком смысле слова, он должен поддаваться наблюдению, изменению и т.д. Иными словами, артефакт может стать элементом политического действия только тогда, когда он очевиден и ясен непосредственным участникам этого акта.

Политическое действие, являясь разновидностью высказывания, тесно связано с проблемой владения языком и допуска к общему полю высказываний, что демонстрирует Рансьер, когда пишет о парижских рабочих. В акте политической коммуникации деконструкция выступает как связующее звено между интенцией говорящего и предпосылкой, которая, будучи лишь функцией, меняет контекст и помещает осуществляющийся язык в дискурсивное пространство. Несогласие с высказанным, то есть спор о правомочности нахождения высказывания внутри языка, и есть политическое действие *per se*. Таким образом, можно заключить, что деконструкция как «нулевая степень» политической коммуникации имплицитно присутствует в репрезентациях власти. То, что Рансьер называл «эгалитарной предпосылкой», подтверждает способность несогласных к коммуникации, однако та же предпосылка наличествует в способности экспертов к экспертизе, формируя АНД или подтверждая право колонизаторов на формирование образа культуры-субалтерна. Таким образом, элементы речевой конструкции, такие, как культурное наследие, тесно связаны с «нулевой степенью», предпосылкой, конституирующей возможность создания и поддержания коммуникативной системы

политического [1, с. 341-349]. Соответственно, изъятие предпосылки приводит к краху всей структуры. Производство высказываний, основывающееся на определенной системе знаний, актуализируется в системе формальных институтов и практик. Становясь обценным, т.е. сверхрепрезентированным или навязанным, объект теряет всякое доверие со стороны адресата, что, в свою очередь, и разрывает коммуникацию [3, с. 87-89]. Возможность этого уже содержится в предпосылке, которая растворяется в обценности, будучи экспонированной. Происходит это за счет того, что дискурсивные практики, несмотря на предполагаемую серьезность и неизбежность их существования, имеют тем не менее элемент игры, который и позволяет идеологемам ускользать от повседневного взгляда. Экспонирование может придать объекту, содержащему идеологему, дополнительную ценность, которая эпистемологически разворачивает речевую предпосылку.

Заключение

В отличие от описанного Мишелем Фуко музея Нового времени как накопления высказываний, поддерживающих систему знаний, современный музей в целом является одним из этих высказываний. Игры с пространством, вынесение экспонатов за пределы музея, так же, как и присвоение самого имени «музей» аттракционам, которые объективно музеем не являются, – все это является признаком деконструкции классического понятия об экспозиции. Можно сказать, что музей сам подвергается экспертизе с последующей музеефикацией, поскольку дисциплинированное и идеологизированное (европоцентризм) пространство теряет свои сущностные признаки, оставляя лишь внешнюю оболочку, которая становится объектом потребления. Существование АНД и «проблематичного» наследия иллюстрирует тот факт, что в современном мире объекты культурного наследия также не могут уже считаться только лишь «репрезентацией творческого гения человека» [13]. Тем не менее, как было показано выше, своего рода *techné* присутствует даже в деконструкции, обуславливающей политическую коммуникацию. К выявлению этого собственно культурного основания стремились многие теоретики, начиная от Ролана Барта как самого известного из них, а также представителей движения *l'art pour l'art* в искусстве и заканчивая идеологами постмодернизма [1, с. 341-349]. Однако в каждом случае поиск основы был лишь ступенью на пути преодоления сложившейся эпистемологической структуры. Само предположение о существовании «изначального», «нулевого» обозначает появление обценного с последующим разворачиванием предполагаемой основы в банальном. Таким образом, деконструкция, не отставая, следует за коммуникацией, за возможностью создания смысла как неизбежное противоречие в определении. Можно предположить, исходя из этого высказывания, что деконструкция открывает доступ к онтологическим основаниям, которыми в том числе обуславливаются речевые акты.

Список источников

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Беляев В. В. Конструирование памяти как культурно-политический проект [Электронный ресурс]. URL: <http://culture.spb.ru/index.php/stucult/article/view/777/761> (дата обращения: 12.10.2018).
3. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / пер. с фр. А. Качалова; науч. ред. текста Д. Дамте. М.: РИПОЛ классик, 2017. 288 с.
4. Кожев А. Понятие Власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
5. Рансьер Ж. На краю политического / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. 240 с.
6. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.
7. Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 903 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
9. Czepczynski M. Cultural Landscapes of Post-Socialist Cities: Representation of Powers and Needs. Aldershot: Ashgate, 2008. 224 p.
10. James L. The map is not the territory: Global ordering in heritage governance [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/35982527/The_map_is_not_the_territory_global_ordering_in_heritage_governance (дата обращения: 09.10.2018).
11. Koger A. R. The Fight for Historical Representation and Accuracy: Statues of the Confederacy [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalrepository.unm.edu/ugresearchaward/5> (дата обращения: 09.10.2018).
12. Lixinski L. International Cultural Heritage Regimes, International Law, and the Politics of Expertise // International Journal of Cultural Property. 2013. № 20 (4). P. 407-429.
13. The Criteria for Selection [Электронный ресурс] // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. URL: <http://whc.unesco.org/en/criteria/> (дата обращения: 09.10.2018).

MUSEUMIFICATION AND EXHIBITING AS AN INSTRUMENT TO DECONSTRUCT POLITICAL COMPONENT

Belyaev Valerii Valer'evich
Saint Petersburg University
belyaevv94@gmail.com

The article identifies the relation of such disciplinary practices as museumification and exhibiting with political communication. Political communication, in its turn, is considered as verbal confrontation of ideological constructs and social hierarchies, according to Jacques Rancière's "politics" and "police" concepts. The author examines different types of museumification in the context of the political. Using the methodology of post-colonial studies, the researcher analyses the structure of the artefact as an exhibit item and concludes that a speech act, which, according to Rancière, is politics itself, contains the principles, which allow the deconstruction of the political.

Key words and phrases: politics; museumification; expertise; cultural heritage; power; deconstruction; communication.